

УНИКАЛЬНОСТЬ ИНСТИТУТА БЕЛОРУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Александр Груша,
директор Центральной
научной библиотеки
им. Я. Коласа НАН Беларуси,
доктор исторических наук,
доцент

Оценивая место и роль Института белорусской культуры (Инбелкульта) в системе научных и образовательных структур, его деятельность, результаты и достижения, необходимо всякий раз учитывать его специфику. Первое высшее научное учреждение в новейшей истории Беларуси, на базе которого в 1928 г. была создана Белорусская академия наук, Инбелкульт не похож на современные нам институты, занимающиеся наукой и образованием; не являлся он и аналогом нынешних общественных объединений. На протяжении почти 7 полных лет своего существования Институт неод-

нократно менялся в плане организации, структуры и темпов работы, но при этом всегда сохранял некоторые только ему присущие черты.

В чем же они проявлялись? Этот вопрос пока или уходит от внимания историков, или остается полностью не раскрытым. Попытавшись ответить на него, мы сможем не только выяснить уникальные характеристики Инбелкульта, но и высказать предположение о том, какие мотивации сотрудников задавали активность Института.

МИССИЯ

В 1922 г., когда Инбелкульт еще не развернул широкой деятельности, он приобрел юридический статус объединяющего центра белорусской науки. Согласно Уставу Института 1922 г. (или 1921 г.; сведения об утверждении данного Устава не обнаружены), его задачей являлась научно-исследовательская работа по этнографии, языковедению, литературе, искусству и природоведению Беларуси, а также *общее руководство всеми научными учреждениями, работающими в республике* (тут и далее выделено нами. – А.Г.) [5, с. 25]. Он был обеспечен важными рычагами влияния на высшие учебные заведения и научно-исследовательские институты БССР – полномочиями давать рекомендации кандидатам в преподаватели [15, с. 12] и делать назначения на научно-исследовательские кафедры. Этот статус был подтвержден в 1924 г.: по утвержденному тогда Положению об Инбелкульте он выступал высшей государственной научной организацией, объединяющей всю работу в области языка, литературы, этнографии, истории, природы, экономики, социально-общественного движения и др., которая ведется как научными и художественными учреждениями, так и отдельными лицами [13, с. 5].

Институт ревностно оберегал свои позиции. В августе 1925 г. было создано расширенное заседание Президиума Инбелкульта и представителей Белорусской сельскохозяйственной академии в Горках. Со слов председательствовавшего на мероприятии А. А. Смолича, это было сделано для того, чтобы рассмотреть «принциповое питаньне» (тут и далее источники цитируются с сохранением их орфографии. – А.Г.). Профессор указанной академии А.И. Кайгородов предложил «дзеля вывучэння Беларусі і яе вытв[о]рчых сіл» создать при учебных кафедрах данного учреждения научно-исследовательские кафедры и объединить их в научно-исследовательский институт при Сельхозакадемии. Данная инициатива не получила

поддержки у представителей Инбелкульта. Они выразили мнение, что «дасьледчая праца акадэміі павінна ісьці пад кіраўніцтвам ІБК (форма сокращенного написания Инбелкульта. – А.Г.)», хоть и признали необходимым развитие исследовательского дела по изучению Беларуси в академии. Участники обсуждения от Института «прапанавалі, што патрэбна ўсю дасьледчую працу на Беларусі аб'яднаць у Инбелкульце», напомним при этом, что «прызначаць асоб на дасьледчыя катэдры павінен Інстытут Беларускае культуры» [19, л. 210] (о конкуренции Инбелкульта с другими учреждениями см.: 6, с. 139).

ЗАДАЧИ УЧРЕЖДЕНИЯ

Уникальность Инбелкульта заключалась в том, что он сочетал в себе две ипостаси: являлся одновременно научно-исследовательским и культурно-общественным учреждением.

Перед ним стояли две задачи: первая – формирование научных знаний о белорусском народе и Беларуси в тех отраслях и направлениях, которые содействовали культурному и хозяйственному строительству государства; вторая – культурное и национальное воспитание широких масс трудящихся [15, с. 11, 28]. Последнее соответствовало призыву компартии и советской власти о вовлечении названных масс в исследование и изучение своей страны [4, л. 7] и предполагало не только помощь Институту со стороны широкой общественности, но и формирование у нее активной позиции,

Центральное бюро краеведения. Кондрат Кондратович Атрахович (Кандрат Крапіва), Алексей Захарович Казак, Николай Иванович Касперович, Николай Ильич Белуга, Самуил Ефимович Плавник (Змітрок Бядуля), Николай Васильевич Азбукин, Гилель Самуилович Александров. 1926 г. (Цвікевіч А.І. Інстытут беларускае культуры (Инбелкульт). Гісторыя ўзнікнення. Сучасная структура. Навукова-даследчая дзейнасць. Менск, 1926. С. 85)

посредством которой та приобщалась бы к достоянию науки, культуры и национальному наследию.

Эта двойная задача отразилась на институциональной основе Инбелкульта – его личном составе. До 1927 г. кроме действительных членов и членов-сотрудников в его штате были и члены-корреспонденты – непрофессиональные помощники. Об их роли сообщает одна из статей Устава Инбелкульта 1922 г.: «У мэтах прыцягнення да працы Инбелкульта *жывых сіл з шырокіх колаў беларускага грамадзянства*, утвараецца стан карэспандэнтаў Инбелкульта, абіраемых Вучонай Радай Інстытута з сяброў, якія сваімі працамі, хоць і не носячымі характару сістэматычнасці з навуковага боку, даводзяць да карысці мэтаў, акрэсленых Инбелкультам» [5, с. 27].

В.М. Игнатовский в январе 1925 г. в краткой речи в качестве избранного Председателя Президиума Инбелкульта на первом заседании его Общего собрания подчеркнул «шырокія мэты і заданьні рэарганізаваў ІБК» и указал на необходимость «уцягнуць у яго працу вёску, пр[о]вінцыю, што дасягаецца адчыненнем па новаму статусу ІБК магчымасьці мець шырокую сетку членаў-карэспандэнтаў і краеведчых таварыстваў» [21, л. 1; опубл.: 5, с. 88].

Говоря о связи Инбелкульта с общественностью, уместно сосредоточить внимание на деятельности его особого структурного подразделения. На правах постоянной комиссии в 1924 г. при Институте было создано Центральное бюро краеведения (ЦБК), ставшее тем плацдармом, при помощи которого Инбелкульт поддерживал связь и осуществлял взаимодействие с широкими слоями белорусского общества.

Работа в области краеведения проводилась с целью содействия в экономическом и культурном строительстве и должна была иметь не столько академический, сколько «общественно-полезный» [12], «производственный» [9, с. 3] характер.

Институт активно и с успехом привлекал краеведов к деятельности по сбору материалов живого белорусского языка [1], фольклора [24], сведений о метеорологических и фенологических явлениях [2, с. 4], сельских промыслах и домашних ремеслах, бюджете времени крестьянина [3, с. 69–70; 7, с. 13], к регистрации памятников археологии и истории и т.д. При этом четко очерчивалась граница между работой профессиональных ученых и краеведов. Последним доверялся сбор данных и проведение «простейших исследований», а обработка этих данных была делом «научных специалистов» [3, с. 69].

ЦБК стимулировало краеведческие организации и в деле обслуживания производительных сил местных административно-хозяйственных и культурно-

просветительских учреждений посредством представления им материалов, характеризующих особенности данной территории, ее природные и экономические ресурсы [10, с. 83].

Густой сетью этих организаций, в которых видели мощную творческую и деятельную силу, предполагалось охватить всю территорию БССР.

Указанная двойная задача – формирование научных знаний о Беларуси и национально-культурное воспитание трудящихся – отразилась и на работе основных структурных единиц Института – секций и комиссий. В протоколе заседания комиссии ЦК КП(б)Б по реорганизации Инбелкульта за 12 декабря 1924 г. дается пояснение, что следует понимать под ними. «Камісіі Інбелкульта належыць разумець, як даследчыя катэдры, а секцыі – як навуковыя таварыствы Інбелкульта» [5, с. 81]. Эта характеристика комиссий вполне соответствует той, которую дал им современник и один из руководителей Инбелкульта А.И. Цвикевич: «Прынцып камісій, уведзены ў пачатку 1925 г., быў прыняты ў зьвязку з патрэбай сталай, пераважна – дасьледчай працы, над пэўнымі, сыцісла акрэсьленымі, заданьнямі» [15, с. 20]. Он назвал комиссии «стала-рабочымі органамі Інбелкульта» [15, с. 20], дополнив при этом: «Дзеля сталай працы ў гэтых Камісіі былі прызначаны штатныя супрацоўнікі і дзейнасьць іх пачала адбывацца закрытым, акадэмічна-габінэтным шляхам» [15, с. 20]. Как далее отметил автор: «Пры гэтай сыстэме сэкцыі Інбелкульта захавалі характар адкрытых навуковых пасяджэньняў, на якіх мог быць прысутны кожны зацікаўлены грамадзянін. У форме Сэкцыі Інбелкульта захавалі, і надалей узмацняе, сувязь з шырокімі коламі працоўных Савецкай Беларусі. Чым далей, тым больш Сэкцыі яго набываюць характар асобных “Навуковых Таварыстваў” пры Інбелкульце, прысьвечаных тэй ці іншай навуковай дысцыпліне» [15, с. 20].

В чем состояло различие между секциями и комиссиями, каково было происхождение указанных комиссий, сообщает и краткий отчет о деятельности Инбелкульта, датированный августом 1925 г. «На агульных сходах секцій і падсекцій робяцца навуковыя даклады як членамі ІБК, так і запрошанымі на працу сябрамі секцій, абгаварваюцца прынцыпова ўзнятыя навуковыя пытанні, але, як збіраючыся толькі час ад часу (пераважна штодня; так в публикации; очевидно, следует читать “што-дня” – А.Г.) органы секцій не могуць выпяўняць тое неадкладнае, пільна патрэбную працу, высунутае вымовамі нашага культурнага і гаспадарчага будаўніцтва і жыцця, дзеля чаго пераважна засна-

Президиум Медицинской секции. Иван Иванович Цвикевич, Михаил Иванович Барсуков, Павел Викторович Тремпович. 1926 г. (Цвікевіч А.І. Інстытут беларускае культуры. С. 72)

ваны, існуе і павінен працаваць Інстытут беларускай культуры. Гэтую адпаведную працу вядуць т. зв. пастаянныя камісіі ІБК» [5, с. 110].

Как может следовать из всех этих уточнений, комиссии возникли с целью выполнения неотложной, настоятельной и насущной работы, вызванной условиями культурного и хозяйственного строительства и жизни; на них была возложена обязанность проведения научных исследований. Укреплять же связь ученых с общественностью должны были секции, имеющие характер научных обществ. Присмотримся ближе к их работе. В 1925 г. в планы Литературной секции входила «як чыста навуковая», так и «научна-грамадзянская» работа, а именно: организация лекций и литературных вечеров [19, л. 260]. Предполагалось поддерживать связь с селом посредством направления туда «троек»: критика, поэта и артиста [19, л. 17 об.]. Сельскохозяйственная секция намеревалась налаживать взаимодействие с агрономами БССР [19, л. 31 об.], Природоведческая – установить связи с местными «природниками» и создать сеть постоянных корреспондентов [19, л. 63].

Осенью 1925 г., когда заслушивались годовые отчеты секций и комиссий, Президиум предлагал: Языковедческой секции – «трымаць больш цесную сувязь з корэспандэнтамі і месцамі нават шляхам выездаў супрацоўнікаў сэкцыі на месцы» [19, л. 261]; Историко-археологической – «рабіць працу ў тым жа напрамку з большым ухілам у навукова-грамадзкі бок, для чаго цясьней зьвязацца з краязнаўчымі таварыствамі, часьцей рабіць выезды на месцы і павялічыць лік сваіх карэспандэнтаў» [19, л. 266]; Исторической секции Еврейского отдела – обратить

внимание «на распрацоўку мясцовай гісторыі яўрэяў, шляхам выкарыстання і развіцця шырокай сеткі карэспандэнтаў на мясцох» [19, л. 266 об.]; Комиссии по изучению советского строительства – «яшчэ большую сувязь з масамі» [19, л. 283].

Заместитель председателя Сельскохозяйственной секции А.А. Смолич, открывая заседание ее пленума в октябре 1925 г., подчеркивал: «Наогул пажадана, каб кожны сябра сэкцыі, працуючы ў сэкцыі, адначасна стараўся, каб ён сам, а значыць, і сэкцыя пастараліся мець больш контакт[ную] сувязь з вёскай, прыдбаючы і пашыраючы сетку корэспандэнтаў-супрацоўнікоў» [20, л. 32].

Характерно, что, обсуждая в 1926 г. перспективы преобразования Института в Белорусскую академию наук, руководство Инбелкульта процедиривало эти двойные задачи и на нее. Со слов А. И. Цвикиевича: «Ператварэньне Інстытуту ў *Беларускую Акадэмію Навук* (выделено автором цитаты. – А.Г.) павінна быць органічным і натуральным. Яна павінна *вырасьці* (выделено автором цитаты. – А.Г.) з Інстытуту як натуральнае яго ўдасканаленне. Пры гэтым характэрная адзнака Інбелкульта, якая робіць яго ўстановай побач з другімі sui generis (единственным в своем роде (лат.) – А.Г.), а ласьне – яго сувязь з шырокімі працоўнымі масамі, павінна быць захавана. Такім чынам і Беларуская Акадэмія Навук застаецца ўстановай сваяадменнай, якая будзе адначасова службыць і мэтам чыстай навукі і мэтам культурнага выхаваньня і культурнага ўздому шырокіх працоўных мас» [15, с. 28].

СОСТАВ СОТРУДНИКОВ

Согласно Положению 1924 г., институциональную основу Инбелкульта составлял его личный состав, определявшийся вкладом в области науки, техники, литературы, искусства и культуры, научной подготовкой и мотивацией в плане взаимодействия с Институтом. Он классифицируется следующим образом: действительные члены («правдазейныя члены»), члены-сотрудники и члены-корреспонденты. Действительными членами могут быть выдающиеся представители науки, литературы, искусства и культуры, а также трудящиеся, имеющие заслуги в области техники. Членами-сотрудниками являются лица, доказавшие свою подготовленность к ведению научно-исследовательской работы [13, с. 6]. К членам-корреспондентам относятся те, кто оказывает помощь Инбелкульту в выполнении его заданий по инструкциям Института [13, с. 7].

Однако из одного документа за 1925 г. следует, что в числе принимавших участие в работе Художественной секции были не только действительные члены, члены-сотрудники и члены-корреспонденты, но также «кандыдаты» и «супрацоўнікі Мастоцакае Сэкцыі» [19, л. 7]. Кто они?

Эти «супрацоўнікі», очевидно, – те самые сотрудники, о которых в других источниках говорится как о «запрошанных на працу сябрах секцый» [5, с. 110], «працаўніках сэкцый», «членах сэкцый», «сябрах сэкцый». О них мы знаем, что они привлекались (приглашались или избирались) к постоянной («сталая») или временной работе; их состав определялся президиумом секции, обсуждался на общем ее собрании и утверждался Президиумом Института. Указанные сотрудники занимались разработкой научных тем в рамках программ деятельности и планов работы Инбелкульта. Ведение исследования по определенной научной теме было условием их пребывания в составе данной структурной единицы. Некоторые особенности работы раскрывают документы Медицинской секции, где поддерживалась довольно строгая дисциплина: так, на общем собрании 19 марта 1925 г. ее руководитель М.И. Барсуков предложил очередной раз напомнить «сябрам аб іх абавязку весьці досьледчую навуковую працу, без чаго быцьцё ў сэкцыі ня мае сэнсу» [19, л. 86]. Он внес предложение предоставить последний, двухнедельный срок для утверждения тем и предупредил, что «хто з сяброў не заявіць у гэты тэрмін працы лічыць мэханічна выбыўшым з ліку сяброў сэкцыі». Собрание поддержало его инициативу [19, л. 86]. Результаты исследований сотрудников секции докладывались и обсуждались на ее заседаниях.

Источники сообщают также и о «сябрах (членах)-корэспандэнтах» или «супрацоўніках-корэспандэнтах» секций и комиссий [18, л. 118, 120; 19, л. 98], которые, как следует полагать, в отличие от членов секций и комиссий, работали дистанционно, «на месце» [18, л. 118].

Очевидно, о членах и членах-корреспондентах секций сообщается в примечании к 39 пункту Положения 1924 г.: «Президиум секции по соглашению с Президиумом Инбелкульта имеет право приглашать для постоянной научной работы в секции постоянных научных работников» [13, с. 8].

Итак, в отличие от почетной части личного состава Института – действительных членов, членов-сотрудников и членов-корреспондентов, члены и члены-корреспонденты секций представляли собой своего рода младший научный персон

нал Инбелкульта. В этом смысле всех этих «сяброў» следует отличать друг от друга.

Положение 1924 г. обязывало представителей почетной части состоять в одной из секций или комиссий Института и вести в них научно-исследовательскую работу [13, л. 7]. Но, как мы видим, только ими состав секций и комиссий не ограничивался.

ОБ ОПЛАТЕ ТРУДА

Количественный состав научного персонала Инбелкульта значительно превосходил численность штатных сотрудников, то есть тех, кто получал за работу материальное вознаграждение за счет бюджетных средств учреждения. Институт имел сравнительно небольшой штат. Согласно штатному расписанию на 1925/1926 академический год, в Инбелкульте было 77 должностей [13, л. 22–24]. В феврале 1925 г. был утвержден состав секций и комиссий Польского отдела. Он включал 5 штатных и 10 нештатных работников [19, л. 20]. На 1 октября 1926 г. из 18 сотрудников Историко-археологической комиссии лишь двое являлись штатными (один из них аспирант) [23, л. 156]. По данным ответа на запрос Главнауки РСФСР, в Инбелкульте на 30 сентября 1927 г. всех штатных сотрудников числилось 88 человек, из них научных работников – 32, научно-технического персонала – 38, и технического – 24 [23, л. 67] (так в документе).

Знакомство же с финансовой документацией показывает, что члены секций лишь в единичных случаях входили в штат. Следовательно, они работали преимущественно на добровольной основе без оплаты труда. В свете этих данных становится ясно, что имел в виду А.И. Цвикевич, когда писал о секциях, которые «вядуць сваю навуковую дзейнасць пераважна шляхам добраахвотнага апрацавання тэм і заслуханья дакладаў на сваіх публічных сходах...» [15, с. 22]. Отсюда понятно и происхождение некоторых цифр и характеристик, о которых мы знаем, в частности, из одного из отчетов Инбелкульта за 1925 г.: «Секцыі, уключаючы ў свой склад да 200 навуковых працаўнікоў БССР як запрошаных толькі на добраахвотную ў іх складзе працу, пераважна з'яўляюцца навукова-грамадзянскімі органамі Інбелкульта» [5, с. 110].

Из финансовой, а также другой документации проистекает и следующее. Во-первых, большинство членов «сталых» комиссий Инбелкульта также не являлось штатными сотрудниками. Во-вторых, из основного персонала (в данном случае мы

Сельскохозяйственная секция. Сидят: Сергей Вячеславович Скандраков, Дмитрий Филимонович Прищепов, Аркадий Антонович Смолич, Иван Семенович Грабовский. Стоят: Иван Никитович Середа, Эдмунд Зыгмунтович Русецкий, Чеслав Иванович Родзевич, Евсей Григорьевич Трохимов, Иван Андреевич Кисляков. 1926 г. (Цвікевіч А.І. Інстытут беларускае культуры. Вклейка).

не берем в расчет руководящий состав – членов Президиума; заведующего (или заместителя заведующего) и технического секретаря Еврейского отдела, заместителя заведующего Польского отдела; ответственного секретаря «Маладняка»; представителей «вспомогательных» учреждений; вспомогательный и обслуживающий персонал из Управления делами) к штатным работникам относились главным образом руководители структурных подразделений – председатели (иногда их заместители) и секретари секций и комиссий (включая председателя и секретаря ЦБК, председателя и секретарей комиссий Еврейского и Польского отделов), секретари подсекций. В-третьих, большинство указанных председателей и секретарей работало в Институте не на полную ставку. Обо всем этом свидетельствует, в частности, штатное расписание Инбелкульта на 1925/1926 операционный год, где для всех должностей указаны одновременно полный месячный оклад, количество штатных единиц и «фактычная пэнсія» [22, л. 22–24]. Их заработная плата, известная по другим штатным расписаниям и ведомостям на выдачу зарплаты, соответствовала определенным долям ставки [23, л. 4–6, 25–26 об., 113–114, 159–159 об., 169–170, 171–172, 173–173 об., 175–176, 177–177 об., 178–179, 180–181].

Отсюда напрашивается вывод, что собственно научно-исследовательская работа в Инбелкульте не оплачивалась. Вознаграждение полагалось за нагрузку, связанную с административными

видами деятельности, которые главным образом и формировали служебные обязанности в отношении к Институту. В свете этих данных становится понятным, что имелось в виду в информации об активности сотрудников Института научного языка («I.H.M.»), содержащейся в плане работы Отдела гуманитарных наук на 1927/1928 академический год: «Працаўнікі I.H.M. займаюцца ў вольныя ад службовых заняткаў гадзіны – самастойнаю навуковаю працаю» [23, л. 92]. Источник сообщает, чем именно занимались эти сотрудники: «Сакратар Л. Цьвяткоў вывучае пытаньне аб правапісе чужаземных словаў (асабліва-ж уласных іменьняў) у беларускай мове, параўноўвае лексычны склад беларускае і польскае сучаснае мовы, дасьледвае новыя кірункі ў сучаснай нямецкай літаратуры. М. Грамыка вядзе сваю дасьледчую працу ў галіне крышталёграфіі». «Апроч таго, – дополняет источник, – М. Грамыка, А. Гурло, І. Луцэвіч, К. Міцкевіч займаюцца мастацкай творчасцю ў галіне прыгожага пісьменства і цікавяцца пытаньнямі, зьвязанымі з тэхнікаю гэтае справы» [23, л. 92].

Оплате подлежала лишь «навукова-літаратурная і іншая зьвязаная з гэтым праца». В марте 1925 г. Президиум Инбелкульта поручил заместителю Председателя А. А. Смоличу и научному секретарю Я. Л. Дыле выработать нормы «пажэтоннай (в данном случае сдельной. – А.Г.) аплаты працы членаў ІБК, не займаючых штатных пасадаў у ІБК, але прымаючых удзел у пасяджэньнях Камісій» [19, л. 26]. Поручение было выполнено, а предложение по данному вопросу было утверждено в апреле Президиумом Института. Согласно его постановлению: «Аплата працы асоб, не займаючых штатных пасадаў у ІБК, але па запрашэньню або абраньню працуючых у пасяджэньнях сталых або часовых камісій ІБК: па 2 р. кожнаму за пасяджэньне (протягам 3 гадз[іны] з разрахунку як за палову працоўнага дня, іначэй па 1/48 долі мес[ячнай] пэнсіі, выходзячы са 100 рублёвае пэнсіі» [19, л. 66 об.]. Были утверждены нормы оплаты труда по разработке терминологии, составлению библиографии и словарей белорусского и еврейского языков [19, л. 66–66 об.]. Как мы видим, эти виды работы также подлежали оплате, правда, в сдельной форме и касались не всех сотрудников.

Можно было рассчитывать на гонорары за публикации в изданиях Инбелкульта. Правда, в мае 1925 г. Президиум Института постановил: «каб ня ўсё, што друкуецца аплачывалася гонарарам, а толькі тое, што мае асаблівую вартасць, альбо напісана па заказу, альбо ў выпадку калі праца патрабавала

шмат часу, пытаньне аб чым унесці на абгаварэньне Рэдакцыйнай Колегіі, а вырашэньне яго ў поўны Прэзыдыум ІБК» [19, л. 120а].

Как можно интерпретировать все эти факты, касающиеся состава работников, оплаты их труда и ее форм?

То, что значительная часть сотрудников не получала вознаграждения за свою работу, говорит о том, что, во-первых, государство не находило средств на оплату научно-исследовательской деятельности, во-вторых, лица, занятые в ней, руководствовались не материальными мотивами. Феномен, связанный с этим, описал свидетель событий того времени, в будущем известный историк Н.Н. Улащик: «Беларускі рух рос у геаметрычнай прагрэсіі. Беларусы, нацыянальна сьвядомыя людзі, перасталі быць навіною, дзівам. Колькасць іх узростала амаль з кожным месяцам... Быў вялізны ўздых нацыянальнай сьвядомасці, людзі нечым хацелі праявіць сябе, нешта рабіць не чыноўнае, не абавязковае, але тое, што завецца “для душы”» [14, с. 9].

Письма с просьбой о трудоустройстве в Институт и заявления о зачислении в секции сообщают о том, в чем заключались запросы души, а именно: приобщение к научной деятельности и направлениям работы Инбелкульта, придание этой деятельности официального характера, приобретение опыта и практических знаний, увеличение результативности работы, участие в культурном строительстве и в деле государственного, хозяйственного и национального возрождения, служение Родине-матери. Вот некоторые примеры.

«Второй мой интерес и просьба к Вам (С.М. Некрашевичу. – А.Г.) касается моей “асобы”. Нельзя ли устроить меня в той институт Инбелкульта, который будет заниматься изданием древних актов и музейных изысканий. Хотелось бы хоть на исходе жизни опять послужить родной матери Белой Руси. Конечно, матерьяльная сторона для меня безразлична пока, так как у меня на плечах непристроенных деток, а также мать и жена» (Д.И. Довгялло) [3, л. 7 об.].

«З прычыны таго, што я вельмі цікаўлюся Этнографіяй Беларусі, хацеў бы працаваць у гэтай галіне, прашу залічыць мяне працаўніком сэкцыі» [18, л. 117].

«Я працую па зьбіраньню й вывучэньню беларускага фольклору, асабіста па запісваньню баек, легенд і былін. Прашу залічыць мяне сябрам-корэспандэнтам этнографічнае сэкцыі дзеля таго, каб я мог афіцыйна па выбранай мною галіне працаваць на месьце» [18, л. 118].

«Я маю вялікае жаданьне працаваць на абшарах Беларусі па этнографічнай часцы, але для лепшых вынікаў працы патрэбна быць у тым аб’яднаньні,

якое вызначае тья шляхі, па якім неабходна ісьці да вывучэньня Беларусі. Вось гэтым аб'яднаньнем і зьяўляецца сэкцыя Інбелкульту. На падставе вышэйазначанага я прашу Этнографічную Сэкцыю залічыць мяне членам-караспадэнтам Вашай сэкцыі, каб разам з другімі таварышамі-этнографамі набыць вопыт і практычныя веды для працы па этнографіі» [18, л. 120].

«Прашу аб залічэньні мяне ў лік сябраў, працуючых у мэдсекцыі. Праца мая была на ½ (2 напісана не чётка.– А.Г.) года спынена дзеля таго, што я павінен быў другую частку дня працоваць раённым доктарам Ц.Р.А. Прашу узяць пад увагу і тое, што я першы з доктараў заклал разам з дз[ядзькам] Цвікевічам мэдсекцыю і з 1920–1921 г. падтрымовываў беларускі рух сярод менскіх доктараў, не глядзючы на тое, што я быў адзін доктар–беларус і што менскіе доктары на кажнам маем кроку рабілі розныя прэпоны ў мае беларускай працы. Цяпер я отдам ўсе сілы і веды дзеля беларускага культурнага будаўніцтва» (Е. Калитовский) [20, л. 61].

«Маючы шчырае пахаценьня працаваць на бацькаўшчыне над дзяржаўным, госпадарчым ды нацыянальным яе адроджэньнем, прашу Інстытут Беларускае Культуры даць мяне магчымасць гэтай працы. Ужо сяння я магу працаваць па санітарнае асьвете жыхарства ды по барацьбе с соцыяльнымі ды пошасьценымі хваробамі. Пасля ўзмацненьня маіх ведаў по роднай мове я жадаю быць беларускім літэратурным працаўніком як ў штодзённым дык загалым друку. Адначасна я прашу НКЗ аб маём пераводзе на Беларусі, ўсю рэшту своего часу жадаю аддаць дзеля працы па асьвете ды па школьнай адукацыі дзяцей» (П.В. Тремпович) [17, л. 214].

Впрочем, исключительно духовных мотивов не всегда хватало, чтобы побудить отдельных лиц к продуктивной работе, а также надлежащим образом организовать и наладить деятельность некоторых комиссий и секций. Присутствие этих лиц в качестве членов комиссий иногда могло приобретать формальный характер. В ноябре 1925 г. на заседании Президиума Инбелкульту секретарь Комиссии по изучению советского строительства сообщил, «што трэба высвятліць пытаньне аб фармальным становішчы сяброў камісіі, якія прымаюць удзел у працы яе» [19, л. 283]. На том же заседании Президиума заместитель председателя Социально-экономической секции персонально перечислил тех, кто входил в состав данной секции, и указал, что «пры такім складзе сэкцыі пры даных умовах, калі кожны яе сябра абцяжжан пра-

цай у іншых установах, яна зьявілася не працаздольнай, і што цяпер стаіць пытаньне аб рэарганізацыі сэкцыі» [19, л. 283].

СОВМЕСТИТЕЛИ

Большинство председателей и секретарей секций и комиссий, секретарей подсекций работало не на полную ставку, а на их доли, а именно: на 1/2, 1/3, 1/4, 1/6 [22, л. 22–24] (на большое количество совместителей обратил внимание П.Т. Петриков: 11, с. 62). Эта неполная форма трудоустройства в Инбелкульте, как правило, совмещалась с работой в другом месте (например, целый ряд руководителей секций и комиссий преподавали в высших учебных заведениях, в частности БГУ, или занимали там руководящие должности: В.И. Пичета, С.З. Коценбоген, И.И. Замотин, М.Н. Пиотухович, Н.Н. Щекотихин и др.).

Для Института данное совместительство имело одновременно минусы и плюсы. Главный недостаток заключался в том, что сотрудники Инбелкульту при неполной занятости не могли принести пользу для Института в той мере, в какой они могли бы это сделать, трудясь на полную ставку. Нагрузка по основному месту работы была иногда такой, что, например, председатели секций на протяжении длительного времени не могли полноценно выполнять свои обязанности в Инбелкульте. К концу 1925 г. из-за «абцяжнасьці» указанных председателей этой работой их обязанности вынуждены были возложить на себя секретари, не оставляя при этом своих дел. В связи с этим, кстати, Президиум Института принял решение назначить секретарям тех секций, где сложилась такая ситуация, а именно: Медицинской, Художественной, Сельскохозяйственной и Природоведческой, двойные «пэнсіі» секретаря [19, л. 298].

Преимущество совместителей состояло в том, что они могли использовать серьезные ресурсы основной работы во благо Инбелкульту, особенно если занимали должности в системе государственного управления (например, председателем Комиссии по изучению советского строительства был утвержден А.Г. Червяков, председатель ЦИК БССР; председателем Языковедческой секции – А.В. Балицкий, заместитель наркома просвещения; председателем Медицинской секции – М.И. Барсуков, нарком здравоохранения; председателем Сельскохозяйственной секции – Д.Ф. Прищепов, нарком земледелия). Подобное совместительство помогало также преодолевать самоизолированность и замкнутость на интересах одного учреждения.

Так или иначе, в приглашении на работу совместителей – профессоров, преподавателей, ассистентов высших учебных заведений, сотрудников народных комиссариатов, исследовательских станций и институтов, агрономов, кооператоров и т.д. – чувствуется стремление Инбелкульта воспользоваться хотя бы частью их научной и административной продуктивности. Выполняя одну из своих задач – «прыцягненныне на працу рэвалюцыйных і культурных беларускіх працаўнікоў, лік якіх наогул незначны» [19, л. 308], Институт объединял этих работников в одном центре и создавал ориентиры и направления научной и национально-культурной деятельности; и делал он это в интересах учреждения. Президиум Инбелкульта 21 февраля 1925 г. по вопросу об организации Природоведческой секции постановил: «Прыступіць да сфармавання апошняй, уцягваючы ў працу экцый у сіх навуковых працаўнікоў ВУЗ’аў БССР, якія вядуць навуковае вывучэнне прыроды Беларусі» [19, л. 10 об.]. Президиумы секций и Института прилагали усилия к «пасіленню», то есть расширению состава секций, за счет привлечения к работе лиц из числа квалифицированных специалистов. При этом важно и то, что указанные совместители, занимая в том числе высокие посты, считали важным и нужным приобщаться к деятельности Инбелкульта, несмотря на свою занятость.

Итак, можно выделить следующие сущностные черты Инбелкульта: выполнение миссии объединяющего центра белорусской науки; реализация двойной задачи – формирование научных знаний о белорусском народе и Беларуси и национально-культурное воспитание трудящихся; безвозмездный или малооплачиваемый характер работы в этом учреждении большинства сотрудников.

Пример Инбелкульта показывает, как два устремления – поиск и развертывание национальной и культурной идентичности, формирование научных знаний о своем народе и своей стране – вызывают глубокую вовлеченность, сильное воодушевление, подъем и порыв к труду, даже если он не вознаграждается материально.

Интересно оценить и силу данного порыва, одним из показателей которой может быть численность секций и отделов Инбелкульта. Осенью 1926 г. отдельные из них включали: Медицинская секция – около 70 человек, Сельскохозяйственная – около 100 человек, Научное общество по изучению Беларуси при Белорусской государственной сельскохозяйственной академии (действовало на правах секции Института) – 85 человек, Польский отдел – 32 человека [15, с. 72, 77, 80, 112].

Безусловно, в отношении к отдельным секциям не обошлось без прямого или скрытого влияния «административного ресурса» (напомним, что Медицинскую секцию возглавлял нарком здравоохранения, а Сельскохозяйственную – нарком земледелия). Но этим влиянием нельзя объяснить количество участников краеведческого движения, организатором и координатором которого был Инбелкульт. К концу 1928 г. они объединяли в своих рядах 10,5 тыс. человек [8, с. 23]. Это количество верифицирует данные указанного показателя.

То, что известно о миссии, задачах Института и мотивациях его сотрудников, открывает новые перспективы исследования учреждения, касающиеся его роли не только в формировании научных знаний о Беларуси и белорусском народе, создании интеллектуальной элиты страны, но и в процессах культурно- и нациогенеза. ■

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. М. Байкоў. Што зроблена ў справе збірання слоўнікавага матэрыялу на мясцох за 1926 год? // Наш Край. 1927. №1. С. 22–35.
2. М. Бялуга. Праца 2-га Краязнаўчага зьезду // Наш Край. 1927. №2. С. 3–5.
3. С. Жураўскі. Масвае настаўніцтва ў навукова-краязнаўчай працы // Наш Край. 1927. №10. С. 69–71.
4. У. Ігнатоўскі. Ад Беларускай тэрмінолёгічнай камісіі да Беларускай акадэміі навук // Наш Край. 1928. №12. С. 6–17.
5. Інстытут беларускай культуры. 1922–1928. Дакументы і матэрыялы / Укладальнікі В.У. Скалабан, М.У. Токараў. – Мінск, 2011.
6. История аграрной науки Беларуси (XIX – начало XXI в.). В 2 ч. Ч. 1 / В.Г. Гусаков [и др.]; редкол.: В.Г. Гусаков (гл. ред.) [и др.]. – Минск, 2017.
7. А. Казак. Краязнаўства ў БССР к дзесяцігодзьдзю Кастрычнікавай рэвалюцыі // Наш Край. 1927. №10. С. 9–15.
8. М. Касьпяровіч. Беларуская навука к дзесяцігодзьдзю абвяшчэння БССР // Наш Край. 1928. №12. С. 17–27.
9. Краязнаўства і настаўніцтва // Наш Край. 1926. №8–9. С. 3–4.
10. Пастановы першага Усебеларускага краязнаўчага зьезду 7–11 лютага 1926 г. у Менску // Наш Край. 1926. №2–3. С. 82–86.
11. Петрыкаў П.Ц. Інстытуту беларускай культуры – 70 гадоў // Весці Акадэміі навук Беларусі. Серыя грамадскіх навук. 1992. №5–6. С. 52–70.
12. В. Самцэвіч. Краязнаўства ў гаспадарчым і культурным будаўніцтве краю // Наш Край. 1926. №12. С. 3–5.
13. Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства Белорусской Социалистической Советской Республики. – 30 ноября 1924 г. №18. С. 5–9.
14. Улашчык М. Краязнаўства. (Нататкі пра будзённі ў 1924–1929 гг.). З рукапіснай спадчыны / Падрыхтоўка тэксту і камент. Я.М. Кісялёвай, В.У. Скалабана. – Мінск, 1999.
15. Цвікевіч А.І. Інстытут беларускае культуры (Инбелкульт). Гісторыя ўзнікнення. Сучасная структура. Навукова-даследчая дзейнасць. – Менск, 1926.
16. Центральный научный архив Национальной академии наук Беларуси (ЦНА НАН Беларуси). Ф. 67 (Академия наук БССР. Институт белорусской культуры). Оп. 1. Ед. хр. 3 (Протоколы и переписка агро-секции).

Полный список использованных источников размещен

 [SEE http://innosfera.by/2021/12/institute_of_Belarusian_Culture](http://innosfera.by/2021/12/institute_of_Belarusian_Culture)